

«СВОЕ» – «ЧУЖОЕ» В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

И.Г. Коновалова

ТОПОНИМ КАК КОНЦЕПТ*

При анализе средневековых географических сочинений основной исследовательской проблемой – по крайней мере, для историков – является идентификация топонимов, упоминаемых в этих текстах, и определение их соотношения с современной географической номенклатурой. В настоящей статье эта проблема рассматривается на материале географического сочинения арабского ученого ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Отрада страстно желающего пересечь мир», 1154 г.)¹, в особенности тех его разделов, которые посвящены описанию Восточной Европы. Сам ал-Идриси в Восточной Европе не бывал, но, пользуясь покровительством норманнского короля Сицилии Рожера II (1130–1154), при дворе которого в Палермо географ жил и работал, он сумел собрать обширный и в ряде случаев уникальный материал о различных странах и народах восточноевропейского региона – Древней Руси, Волжской Булгарии, Кумании (Половецкой степи), Восточной Прибалтике. Для описания Восточной Европы ал-Идриси использовал разнообразные источники – как книжные данные, собранные арабскими географами IX–XI вв., так и сведения, полученные от его современников, купцов и путешественников, которые либо сами посещали Восточную Европу, либо общались с лицами, ездившими туда с торговыми целями².

Сочинение ал-Идриси представляет собой описание всех известных автору областей ойкумены, сопровождающееся подробной картой мира. Согласно традиции, идущей от античных географов, ал-Идриси разделил всю обитаемую землю на семь широтных зон-климатов (*иклим*)³. Климаты у ал-Идриси превратились в зоны одинаковой широты, для выделения которых он не опирался на какие бы то ни было астрономические принципы⁴. Несмотря на то что, по утвер-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 06-06-80285а: «Арабская картография Восточной Европы IX–XIV вв.: База данных») и РГНФ (проект № 07-01-00058а: «Ментальные карты Восточной Европы: Сравнительный анализ дискурсивных практик»).

ждению некоторых исследователей, на карте ал-Идриси можно обнаружить следы градусной сетки⁵, в описательной части сочинения нет никаких признаков ее использования. Каждый климат ал-Идриси – и это явилось его нововведением, – в свою очередь, механически разбил на десять поперечных частей-секций (*джуз'*), равных по длине и ширине.

Описание стран и народов в сочинении ал-Идриси ведется по климатам, с юга на север, а внутри климатов – по секциям, с запада на восток. Описанию каждой секции соответствует подробная карта. Таким образом, 70 секционных карт, будучи сложены вместе, образуют прямоугольную карту мира с изображением морей, озер, рек, гор, городов и политических образований. Карта ал-Идриси не знает себе равных в средневековой мусульманской картографии по топонимической насыщенности. По подсчетам К. Миллера, на секционных картах нанесено около 2500 наименований, а в тексте их в два с половиной раза больше⁶.

Интерпретация части топонимов, встречающихся в сочинении ал-Идриси, достаточно очевидна. В относящихся к Восточной Европе сообщениях географа таковыми являются большинство наименований населенных пунктов Северного Причерноморья. Арабская передача известных и по другим источникам греческих, древнерусских, итальянских форм названий северопричерноморских городов, как правило, столь точна, что не вызывает сомнений при их локализации: *Карсуна* (Жорсунь), *Джалита* (Ялта), *Гурзуби* (Гурзуф), *Бартанити* (Партенит), *Лабада* (Ламбат), *Шалуста* (Алушта), *Султатиййа* (Судак), *Матраха* (Тмутаракань)⁷. Аналогичные примеры точной передачи наименований в сочинении ал-Идриси можно привести и для других регионов Восточной Европы: *Галисиййа* (Галич на Днестре)⁸, *Баразлав* (Переяславль Русский)⁹, *Булгар* (одноименный город в Волжской Булгарии)¹⁰, *Данабрис* (р. Днепр)¹¹, *Данаст* (р. Днестр)¹².

Сведения обо всех этих городах и реках восходят к информации мореплавателей, купцов и путешественников, знакомых с описываемыми объектами лично (или через посредников – но таких же, как и они сами, практиков). Поэтому содержащиеся в их рассказах топонимы служат для обозначения реального, физического пространства, т.е. относятся к конкретным географическим объектам. Эти топонимы по своей функции подобны современной географической номенклатуре, где каждый хороним, ойконим, гидроним, ороним точно соответствует какому-то одному конкретному объекту – стране, населенному пункту, реке, озеру или горе.

Однако толкование других топонимов ал-Идриси (а также других средневековых мусульманских авторов), исходя из правила «одно наименование в источнике – один географический объект на современ-

ной карте», зачастую приводит в тупик. Это относится, прежде всего, к гидронимам «Русская река» и «озеро Тирма», оронимам «гора Кукайа» и «гора Аскаска» и некоторым другим. Ни одна из многочисленных попыток отождествить эти наименования с каким-нибудь реальным географическим объектом пока не увенчалась успехом¹³, что уже само по себе побуждает обратить особое внимание на методические аспекты интерпретации сообщений средневековых авторов.

Весьма показательна в этом плане длительная дискуссия о местонахождении «Острова русов», рассказ о котором был популярным сюжетом для многих арабо-персидских писателей X–XVI вв. Практически все исследователи, сформулировавшие те или иные предположения относительно «Острова русов», исходили и исходят из твердой уверенности в том, что мусульманские авторы, повествуя об «Острове русов», описывают некий *реальный географический объект* в пределах Восточно-Европейской равнины и омывающих ее морей – будь то остров (или группа островов), полуостров (ибо арабское слово *джазира* допускает и такой перевод), город с подвластной ему округой или область, расположенная в междуречье крупных рек. Соответственно, одним из основных направлений исследования становится поиск либо такого объекта, который более или менее отвечал бы имеющимся в мусульманских источниках данным о географическом положении и размерах «острова», его населении, климате, полезных ископаемых и т.п., либо «островного» топонима, вроде древнескандинавского наименования Новгорода *Hólmgarðr* (от др.-сканд. *hólmr* – «остров», *garðr* – «ограда, огороженный участок земли, двор, усадьба»). А поскольку информация об «Острове русов» не лишена противоречий, то аргументация, предложенная исследователями в пользу той или иной интерпретации сообщений арабо-персидских авторов, неизбежно опирается лишь на отдельные сведения источников, оставляя без внимания прочие.

Следствием такого подхода является сосуществование в историографии двух прямо противоположных оценок степени достоверности данных об «Острове русов». С одной стороны, в рассказах мусульманских авторов находят поддающиеся идентификации сведения, вплоть до «точных топографических деталей», на основе которых даже делаются попытки реконструкции карты «острова», с другой – обвиняют арабо-персидских ученых в пристрастии к «сказочной экзотике» и желании «поразить читателя курьезами», которые в значительной мере девальвируют приводимую ими информацию и тем самым освобождают исследователя от необходимости искать ей объяснение. Любопытно, что при этом одна и та же признаваемая достоверной деталь может с равным успехом использоваться в качестве доказательства для локализации «Острова русов» в самых раз-

ных концах Восточной Европы. Так, например, указание многих источников на заболоченную почву и сырой климат «острова» рассматривается различными исследователями как убедительное свидетельство местонахождения этого объекта в Новгородской земле, на Тамани, а также в Крыму, Северной Добрудже и на острове Рюген¹⁴.

Подобная методика, с одной стороны, неоправданно сильно расширяет район возможной локализации «Острова русов», с другой же – в значительной степени подрывает доказательность той или иной гипотезы, так как сведения источников, не находящие объяснения в ее рамках, всегда могут быть предъявлены в качестве контраргумента. В результате каждая новая появляющаяся в историографии версия приближает нас к истине лишь в том смысле, что делает все более и более очевидной сложность состава сообщений об «Острове русов» и – соответственно – выдвигает на первый план не столько поиски подходящего места на карте для данного «острова», сколько исследование географической специфики самого топонима, а также его функций в системе представлений арабо-персидских авторов о Восточной Европе.

Причину неэффективности подхода, при котором тот или иной топоним средневекового источника пытаются точно локализовать на современной карте, я связываю с тем, что у средневекового писателя название моря, реки, горы или страны может являться умозрительной авторской конструкцией, отражающей прежде всего его собственные представления о физической и этнополитической географии иноземного региона и потому не совпадающей с реальным объектом и не поддающейся непосредственному переносу на карту. Перед нами, таким образом, весьма своеобразный способ пространственного освоения мира, а значит при работе с топонимами, обязанными ему своим происхождением, на первый план выходит не идентификация в привычном понимании этого слова (т.е. поиск на современной карте подходящего объекта), а выяснение географического смысла, который вкладывал в то или иное наименование средневековый книжник.

Ярким примером такой ментальной конструкции является распространённое в арабо-персидской средневековой литературе представление о крупнейшей водной магистрали Восточной Европы – реке *Атил*, которую в историографии принято без всяких оговорок отождествлять с Волгой. Между тем река *Атил* лишь отчасти совпадает с реальной Волгой. Так, описания реки *Атил* в сочинении ал-Идриси недвусмысленно свидетельствуют о том, что при характеристике реки географ использовал информацию, в действительности относившуюся к нескольким гидрографическим объектам. Под рекой *Атил* ал-Идриси подразумевал, во-первых, нижнее и среднее те-

чение Волги, начиная от места впадения в нее р. Камы, которую географ принимал за верховья *Атила*, и во-вторых, нижний Дон (отлучины до устья), Азовское море и Керченский пролив, рассматриваемые как «рукав», ответвляющийся от основного течения *Атила* и текущий в Черное море¹⁵. Представление об Азовском море как о продолжении нижнего течения Дона и Керченском проливе как о донском устье ал-Идриси позаимствовал у средневековых итальянских мореплавателей. Что касается представления о связи нижнего течения Дона с нижней Волгой, то оно было распространено в арабской географии задолго до ал-Идриси и отражало реальный маршрут воинов, купцов и путешественников, двигавшихся по Волжско-Донскому пути. Верхнее же течение реальной Волги было плохо известно ал-Идриси; те скудные данные, которые имелись в его распоряжении относительно городов Верхневолжья, географ никак не связывал с *Атилом* и включил их в описание совсем другой реки Восточной Европы, названной им «Русской рекой» (*нахр ар-Русиййа*)¹⁶.

«Русская река» изображена на карте ал-Идриси как огромная водная артерия, шесть истоков которой берут начало в расположенных далеко на севере горах и, сливаясь воедино, текут в Черное море, впадая в него между городами *Матраха* и *Русиййа*¹⁷ (локализуемыми в Тмутаракани и Корчеве соответственно¹⁸).

Описание «Русской реки» приведено в 5 секции VI климата сочинения ал-Идриси: «В упомянутую реку Русиййа впадают шесть больших рек, берущих начало в горе Кукайа, а это большая гора, протянувшаяся от моря Мрака до края обитаемой земли. Эта гора простирается до страны Йаджуджа и Маджуджа на крайнем востоке и пересекает ее, проходя в южном направлении до темного, черного моря, называемого Смолистым. Это очень высокая гора; никто не может подняться на нее из-за сильного холода и глубокого вечного снега на ее вершине. В долинах этих рек живет народ, известный под именем ан-н.бариййа. У этого народа есть шесть укрепленных городов, расположенных между руслами этих рек, текущих, как мы уже сказали, с горы Кукайа. Никто не может покорить этих людей: у них принято не расставаться с оружием ни на миг, они чрезвычайно осторожны и осмотрительны»¹⁹.

На карте, а также в сокращенной авторской редакции сочинения ал-Идриси приведены названия этих шести городов²⁰. Ойконимы дошли до географа, скорее всего, в сильно искаженном виде, но все же локализируются с достаточной степенью убедительности в Северо-Западной Руси и Верхневолжье, а наименование *ан-н.бариййа* рассматривается как передача др.-рус. *Новъгородъ* (возможно, через посредство формы *Nôgardar*, встречающейся в скандинавских памятниках)²¹.

Исходя из того факта, что под устьем «Русской реки» у ал-Идриси подразумевается Керченский пролив, кажется логичным вести поиски «Русской реки» среди крупных рек, впадающих в Азовское море, – Дона или Кубани, как это и делается многими исследователями²². Однако если допустить, что данному гидрониму действительно соответствует какая-то из указанных рек, то подобная локализация будет противоречить сведениям ал-Идриси об истоках «Русской реки», берущих начало в высокой заснеженной горе *Кукайя*, которая, по словам географа, простирается «от моря Мрака до края обитаемой земли». Трудно представить себе, чтобы определения, используемые ал-Идриси для характеристики горы *Кукайя* («большая», «очень высокая», недоступная «из-за сильного холода и глубокого вечного снега на ее вершине»), можно было бы связать с местом, где лежат истоки Дона и Северского Донца, – со Среднерусской возвышенностью, самые высокие точки которой не достигают и 300 м. Сопоставляя же гору *Кукайя* с Кавказским хребтом, на северных склонах которого начинается р. Кубань, мешает то обстоятельство, что Кубань течет с юга на северо-запад, в то время как «Русская река», согласно ал-Идриси, – с севера на юг.

Этим и другим подобным противоречиям, возникающим в результате попыток прямого перенесения на карту данных ал-Идриси о «Русской реке», как правило, не придают большого значения, ссылаясь на недостаточную информированность географа. Разумеется, ал-Идриси – как и другие средневековые арабские ученые – располагал ограниченными возможностями для получения полных и достоверных данных о географии Восточной Европы, однако стоит заметить, что констатация этого очевидного факта совершенно непродуктивна в исследовательском плане.

Настойчивое стремление видеть за каждым топонимом источник конкретный географический объект приводит к тому, что исследование текста начинают вести в такой системе координат, где логике исследования диктует современная карта. Пример с «Русской рекой» и горой *Кукайя* показывает это как нельзя лучше. В существующих толкованиях этого сообщения ал-Идриси идентификация одного топонима целиком зависит от идентификации другого, и наоборот, а исходной точкой исследовательской конструкции является объект на современной карте.

В самом деле, если под горой *Кукайя* подразумевать Кавказский хребет, то «Русской рекой» неминуемо должна оказаться Кубань. В таком случае сторонникам данной точки зрения приходится пренебречь указанием ал-Идриси на направление течения реки, фактически отказываясь от попыток отождествить если не все шесть, то хотя бы некоторые города народа *ан-н.бариййя* (за это никто из них даже

не брался), а также оставить без внимания тот факт, что для обозначения Кавказских гор ал-Идриси использует традиционный для арабской географии термин *ал-Кабк*²³. Если же исходить из северного нахождения истоков «Русской реки», то ее отождествление с Доном не позволит объяснить ни характер описания горы *Кукайя* у ал-Идриси, ни дать сколько-нибудь удовлетворительного толкования названиям городов народа *ан-н.бариййа*²⁴.

Как видно, при таком подходе исследование сообщений источника подменяется их вынужденной селекцией. В результате среди предложенных к настоящему времени вариантов идентификации горы *Кукайя* нет ни одного, объясняющего не какие-то отдельные, а все данные об этой горе, имеющиеся в сочинении арабского географа. О методической несостоятельности такого подхода свидетельствует признание В.М. Бейлиса: поддерживая идентификацию топонимов ал-Идриси с Доном (или Северском Донцом) и Среднерусской возвышенностью, он делает при этом существенную оговорку, что описание горы *Кукайя* само по себе не может относиться к Среднерусской возвышенности²⁵, т.е. фактически рассматривает его как инородную вставку в текст.

Жесткая привязка топонима к современной карте напрямую влияет и на объяснение его происхождения. К примеру, Б.А. Рыбаков, отстаивавший отождествление горы *Кукайя* со Среднерусской возвышенностью, рассматривал арабскую форму *Кукайя* как передачу топонима «Куколов лес», отмеченного в верховьях Оскола в древнерусском источнике XVII в. «Книге Большому чертежу»²⁶. Очевидно, что обращение к топониму местного значения вызвано исключительно сопоставлением горы *Кукайя* с конкретным географическим объектом. Таким образом, историографический опыт исследования рассказа ал-Идриси о «Русской реке» и горе *Кукайя* показывает, что анализировать средневековый топоним, отталкиваясь от современной карты, бессмысленно.

Куда более перспективным представляется изучение состава сообщений ал-Идриси. Даже беглый взгляд на совокупность данных о горе *Кукайя* убеждает в том, что информация об этом объекте «многослойна». Неоднократные упоминания оронима в различных частях сочинения ал-Идриси уже сами по себе свидетельствуют о том, что в распоряжении географа имелось несколько источников сведений о ней.

Гора *Кукайя* упоминается не только в 5 секции VI климата (данные которой и рассматриваются в историографии), но еще и в трех других секциях сочинения ал-Идриси. В 9 секции V климата, которая повествует о тюркских народах, обитавших близ «страны Йаджуджа и Маджуджа», о горе *Кукайя* говорится, что «это гора с отвесными

склонами, на нее совершенно невозможно подняться, а на ее вершине лежат вечные, никогда не тающие, льды»²⁷. В 6 секции VI климата о горе *Кукайя* вновь сообщается в связи с упоминанием об истоках реки *Русиййя*²⁸. В 6 секции VII климата гора локализуется к северу от Волжской Булгарии и утверждается, что «ее тыльная часть не возделана; из-за сильных морозов там не водятся звери»²⁹.

В сообщениях о горе *Кукайя* можно выделить несколько пластов информации. Во-первых, неизменно сопровождающий упоминания о ней общегеографический контекст: труднодоступные заснеженные северные окраины Земли. Отнесение горы к северным областям Земли ясно выражено в композиции сочинения: все сведения о ней помещены в тех разделах, где дано описание северных и северо-восточных областей Земли. Картографическое изображение горы *Кукайя* на секционных картах «Нузхат ал-муштак» также не оставляет сомнений в том, что в представлении ал-Идриси эта гора лежала далеко на севере: на картах 5–7 секций VII климата гора *Кукайя* изображена в виде протяженной горной цепи, опоясывающей крайний северо-восток ойкумены³⁰. На северную локализацию горы *Кукайя* указывает и упоминание в одном контексте с нею о «Море Мрака» и «Смолистом море», т.е. о тех частях Мирового океана, которые, по представлениям мусульманских географов, омывали крайний север и северо-восток ойкумены³¹.

Во-вторых, наличие в составе описания горы названий из арабской космографической традиции, пронизанных апокалиптическими идеями и воплощавших представления о географических пределах ойкумены. К таковым относятся имена *Йаджудж* и *Маджудж* – арабское обозначение библейских Гога и Магога, враждебных людям существ, обитающих на востоке Земли, с пришествием которых в день Страшного суда наступит конец света (Быт. 10: 2; Иез. 38–39; Откр. 20: 7)³². Ал-Идриси упоминает о «стране Йаджуджа и Маджуджа» неоднократно³³, однако ни одно из его сообщений не дает оснований для сопоставления этой страны с какой-то конкретной местностью, будь то Кавказ, Урал или степи Центральной Азии. Все сведения о «стране Йаджуджа и Маджуджа» помещены в тех разделах сочинения, где говорится о крайнем севере и северо-востоке ойкумены, – в 10 секции I климата, 9–10 секциях V климата, 8–10 секциях VI климата.

В-третьих, само название *Кукайя*, не имеющее ничего общего с русской топонимией и восходящее, как установлено, к наименованию Рифейских гор у античных географов³⁴, которое само, в свою очередь, является сложным оронимом, не сводимым к определенному географическому объекту³⁵.

Таким образом, ороним *Кукайя* – это собирательный образ, созданный ал-Идриси из разнородной информации. Насколько существ-

венна констатация этого факта для толкования информации источника? Ведь коль скоро сообщение составлено на основании информации из разных источников, возникает искушение просто попытаться отделить достоверные данные от всех прочих, работать с той информацией, которую мы признали достоверной, и наложить ее на современную карту. Однако сведения, вошедшие в состав рассказа о «Русской реке» и горе *Кукайя*, представляют собой не механический набор данных, а органическое единство, обеспеченное тем географическим содержанием, которое вкладывал в эти термины ал-Идриси. Поэтому при анализе топонимов мы должны сопоставлять их не с современной картой, а с географическими и картографическими идеями, на основе которых ал-Идриси проводил систематизацию собранного им материала.

В рассказе ал-Идриси о «Русской реке» есть любопытное совпадение – шесть истоков этой реки и шесть же городов в их бассейне. На мой взгляд, это результат собственных умозаключений географа, переосмыслившего сообщения своих информаторов о шести городах, которые были связаны между собой единым речным путем. Информаторы ал-Идриси могли сообщить ему сведения лишь об отдельных участках реки; он же, выступая в роли картографа, был вынужден сводить их рассказы воедино. Все эти данные были не просто механически соединены, но подверглись редакторской обработке со стороны ал-Идриси. Она заключалась в том, чтобы объединить сведения различных источников о стоящих на реках северных городах с представлением о грандиозном водном пути, связывавшем между собой северные и южные районы Восточной Европы. В результате на карте географа появилось изображение огромной реки, протянувшейся с севера на юг до Черного моря. Картографическое изображение «Русской реки» целиком является плодом работы ал-Идриси, который сумел органично согласовать современные ему маршрутные данные с системой географических представлений, унаследованной от мусульманской традиции.

Поэтому вместо привычной локализации, опирающейся на принцип «одно наименование – один объект», представляется более целесообразным давать развернутое определение топонимам и рассматривать их как воплощение представлений об отдаленных северных территориях, труднодоступных для человека (гора *Кукайя*), или о совокупности речных путей, посредством которых можно было пересечь Восточно-Европейскую равнину в меридиональном направлении («Русская река»).

Появление подобных топонимов связано, прежде всего, с неизбежной особенностью субъективного пространственного восприятия – с тем, что в сознании отдельных людей крупные природные

объекты, к каковым относятся моря, реки, озера, не имеют четких границ и не осознаются в качестве целостных гидрографических систем. Средневековый географ в той мере, в какой он опирался на сообщения информаторов о крупных гидрографических объектах, оперировал отрывочными данными, которые он сам должен был систематизировать тем или иным способом.

Однако причины формирования рассматриваемых топонимов могли заключаться не только в нехватке конкретных сведений о Восточной Европе, но и в отсутствии потребности в таковых у аудитории, для которой предназначалось создаваемое сочинение. По-видимому, для потребителей такой топонимии, в первую очередь, была важна определенная географическая идея – воплощением которой и служил топоним, – а не ее детализация.

Так, представление о возможности водным путем пересечь Восточно-Европейскую равнину в меридиональном направлении первоначально воплотилось в гидрониме «Константинопольский пролив», фигурирующем у арабо-персидских географов так называемой «классической школы» (X в.), карты которых отличались предельным схематизмом. Как показано на этих картах, водный поток близ византийской столицы отделялся от Средиземного моря и шел на север, разделяя земли славян, вплоть до омывавшего всю Землю «Окружающего океана»³⁶.

Гидроним «Русская река» в арабо-персидских сочинениях X в. отражал связь древнерусских земель с Волжским путем³⁷, а в XII в. стал для мусульманских ученых символом водного сообщения между севером и югом Восточной Европы. Неслучайно ал-Идриси не приводит никаких данных о среднем течении «Русской реки», обозначая лишь крайние точки этой водной магистрали: города Керченского пролива, с одной стороны, и населенные пункты Новгородской Руси – с другой. И это при том, что ал-Идриси – единственный из арабских географов, кому были известны многие древнерусские города, стоявшие вдоль речных путей и волоков, соединявших Черное и Балтийское моря³⁸.

Гидроним «Русская река» – это наглядная демонстрация того, что подобные топонимы создаются как обозначение общего географического понятия, значимого в контексте определенной культуры. По своему географическому содержанию арабский гидроним «Русская река» сопоставим с двумя понятиями, созданными в рамках других культурных традиций, – древнерусским путем «из варяг в греки»³⁹ и «Восточным путем» ранних королевских саг⁴⁰. В сущности, все эти термины выражают одну и ту же идею, а именно возможность попасть из северных областей Европы на юг. Вместе с тем, воплощают они ее по-разному: «Восточный путь» – в самом об-

щем виде, «Русская река» – с указанием реальных географических объектов в начальной и конечной точках маршрута, путь «из варяг в греки» – наиболее подробно, с перечислением множества пунктов, лежавших на пути из Поднепровья в Балтийское море, а оттуда вокруг Европы до Константинополя и по Черному морю обратно в русские земли.

Точно так же ороним «гора Кукайа» служил не столько для обозначения реального, физического пространства, сколько маркировал в сознании читателей ал-Идриси заснеженные и недоступные северные края ойкумены. Неслучайно, что, впервые появившись в сочинении ал-Идриси, этот ороним удержался в арабской географии и продолжал активно использоваться и в XIII в.⁴¹

Хотя рассматриваемые топонимы «Русская река» и «гора Кукайа» называют единичные предметы (в представлении ал-Идриси), их семантическое содержание гораздо шире. Оба топонима имеют образный концептуальный характер, актуализирующий целый пласт культурно-исторической информации и комплекс различных ассоциаций у той аудитории, к которой обращался географ.

¹ *Al-Idrisi. Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant» / Consilio et auctoritate E. Cerulli et alt.; Una cum aliis ed. A. Bombaci et alt. Neapoli; Romae, 1970–1984. Fasc. I–IX. Об ал-Идриси и его сочинении см.: Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 281–299; Oman G. Al-Idrisi // EI, NE. Vol. III. P. 1032–1035.*

² Разбор сведений ал-Идриси о Восточной Европе см.: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999; *Она же.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006.

³ Термин *иклим* является арабской передачей греч. κλίμα («наклонение»). В арабской географической литературе этим термином обычно обозначались широтные зоны, на которые арабы разделяли земную поверхность. С IX в. термином *иклим* арабские географы стали называть не только греческие «климаты», но и персидские *кишвары* – географические области (*Tibbets G.R. The Beginnings of a Cartographic Tradition // History of Cartography / Ed. by J.B. Arley, D. Woodward. Chicago; L., 1992. Vol. II, book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. P. 93.*)

⁴ *Honigmann E. Die Sieben Klimata und die πόλεις ἐπισημοί. Heidelberg, 1929. S. 181.*

⁵ *Dunlop D.M. Scotland according to al-Idrisi, c. A.D. 1154 // Scottish Historical Review. 1947. Vol. 26. P. 115; Kennedy E.S. Geographical Latitudes in al-Idrisi's World Map // Zeitschrift für Geschichte der arabisch-islamischen Wissenschaften. 1986. Bd. 3. P. 268.*

⁶ *Miller K. Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Stuttgart, 1926. Bd. V. S. 165.*

⁷ *Al-Idrisi. Opus geographicum... P. 909.*

⁸ *Ibid. P. 903, 904, 912.*

⁹ *Ibid. P. 912, 913.*

- ¹⁰ Ibid. P. 918, 919, 924.
- ¹¹ Ibid. P. 12, 909, 912, 913, 921, 957.
- ¹² Ibid. P. 904, 909, 955.
- ¹³ Историографию см. в кн.: Коновалова И.Г. Восточная Европа... С. 75–81, 83–112.
- ¹⁴ Историографию см.: Коновалова И.Г. Состав рассказа об «Острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 169–189.
- ¹⁵ *Al-Idrisi. Opus geographicum...* P. 831, 834–835, 919–920, 928–929.
- ¹⁶ Ibid. P. 909, 910, 916.
- ¹⁷ *Miller K. Mappa arabicae.* Stuttgart, 1927. Bd. VI. Taf. 56, 65–66.
- ¹⁸ О локализации города *Русийа* см.: Коновалова И.Г. Город Росия / Русийа в XII в. // Византийские очерки: Труды российских ученых к XX Международному конгрессу византистов. СПб., 2001. С. 128–140.
- ¹⁹ *Al-Idrisi. Opus geographicum...* P. 910.
- ²⁰ *Miller K. Mappa arabicae...* Bd. II. S. 153; Bd. VI. Taf. 65–66; *Tallgren-Tuulio O.J. Du Nouveau sur Idrisi: Sections VII 3; VII 4; VII 5. Europe septentrionale et circumbaltique, Europe orientale et, d'après quelques manuscrits, centrale jusqu'à la péninsule balkanique au Sud / Edition critique, traduction, études.* Helsinki, 1936. P. 42–43.
- ²¹ О локализации городов и идентификации народа подробнее см.: Коновалова И.Г. Топоним как способ освоения пространства («Русская река» ал-Идриси) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 6. С. 192–219.
- ²² Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. 1952. Вып. 43. С. 24; Недков Б. България и съседните ѝ земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960. С. 149, comment. 326; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963. С. 147; *Pritsak O. From the Säbirs to the Hungarians // Hungaro-Turcica: Studies in honour of Julius Németh / Gy. Káldy-Nagy.* Budapest, 1976. P. 27; Захаров В.А. Тмутаракань и «Слово о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1988. С. 215–216.
- ²³ *Al-Idrisi. Opus geographicum...* P. 353, 820, 828, 829, 914.
- ²⁴ В предложенной Б.А. Рыбаковым локализации городов в бассейне Северского Донца ни один из них не поддается уверенному отождествлению, что был вынужден признать и сам автор (Рыбаков Б.А. Русские земли... С. 20–25). Найти лингвистическое объяснение названий городов, которое соответствовало бы гипотезе Б.А. Рыбакова, также невозможно. Неслучайно О. Прицак, согласившийся с Б.А. Рыбаковым в части локализации городов народа *ан-н.бариййа* в бассейне Северского Донца, тем не менее отказался от попыток объяснить наименования городов и определить их более точное местонахождение (*Pritsak O. From the Säbirs to the Hungarians...* P. 27–28).
- ²⁵ *Бейлис В.М.* Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР: Мат-лы и исслед., 1982 г. М., 1984. С. 212.
- ²⁶ Рыбаков Б.А. Русские земли... С. 24.
- ²⁷ *Al-Idrisi. Opus geographicum...* P. 846.

- ²⁸ Ibid. P. 916.
- ²⁹ Ibid. P. 959.
- ³⁰ Miller K. *Mappae arabicae...* Bd. VI. Taf. 65–67.
- ³¹ *Al-Idrisi*. *Opus geographicum...* P. 85, 87, 962.
- ³² Апокалиптическая легенда о Гоге и Магоге имела широкое распространение не только на Западе, но и на Востоке, где она была связана с мотивами «Романа об Александре», в котором рассказывалось о деяниях Александра Македонского в Азии. К сирийским версиям «Романа об Александре» восходит образ коранического Зу-л-Карнайна (*Пиотровский М.Б.* Зу-л-Карнайн // *Ислам: Энциклопедический словарь*. М., 1991. С. 78–79), построившего стену для защиты от Йаджуджа и Маджуджа (Коран. 18: 83/82–102; 21: 96). Представление о наличии стены, сдерживающей Йаджуджа и Маджуджа, поддерживалось благодаря хорошему знакомству арабо-персидских географов и путешественников с Великой Китайской стеной, воздвигнутой для защиты от набегов кочевников (*Fraehn C.M.* *Ibn Fozlan's and anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit: Text und Übersetzung mit kritisch-philologischen Anmerkungen*. SPb., 1823. S. XIX–XX; *Goeye M.J.* *De Muur van Gog en Magog*. Amsterdam, 1888; *Пиотровский М.Б.* Йаджудж и Маджудж // *Ислам: Энциклопедический словарь*. М., 1991. С. 119). Высказывается также предположение, что под этой стеной мусульманские авторы могли подразумевать укрепления Дербента (*Marquart J.* *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts* (ca. 840–940). Leipzig, 1903. S. 89–98; *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Ч. I. С. 134–135) или один из горных проходов Урала (*Zichy E.* *Le voyage de Sallam, l'interprète, à la muraille de Gog et de Magog* // *Kőrösi Csoma-Archivum*. 1921–1925. T. I. P. 190–204).
- ³³ *Al-Idrisi*. *Opus geographicum...* P. 87, 843, 846, 849, 926, 933–935, 937–939, 962.
- ³⁴ Miller K. *Mappae arabicae...* Bd. I, H. 2. S. 49; *Tallgren-Tuulio O.J.* *Du Nouveau sur Idrisi...* P. 170; *Бейлус В.М.* Ал-Идриси... С. 212.
- ³⁵ *Подосинов А.В.* Проблемы исторической географии Восточной Европы (античность и раннее средневековье) = *Problems of Historical Geography of Eastern Europe (Antiquity and Early Middle Ages)*. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. С. 9–14; *Подосинов А.В.* «Мнимые реальности» в античных представлениях о Восточной Европе // *Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Мат.-лы конф.* М., 2002. С. 187; *Сиротин С.В.* Рифейские горы и античная географическая традиция // *В центре Евразии: Сб. науч. трудов*. Стерлитамак, 2001. Вып. I. С. 21–31.
- ³⁶ Подробнее см.: *Калинина Т.М.* Водные пространства Севера Европы в трудах арабских ученых IX–XII вв. // *Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто*. М., 1999. С. 92.
- ³⁷ *Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abu'l-Kasim Ibn Haukal al-Nasibi): Secundum textum et imagines codicis constantinopolitani conservati in Bibliotheca Antiqui Palatii N 3346 cui titulus est «Liber imaginis terrae»* / Ed. collato textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J.H. Kramers. Lugduni Batavorum; Lipsiae, 1938. Fasc. II. P. 388.

- ³⁸ См., например, описание городов Поднестровья: Al-Idrisi. *Opus geographicum...* P. 912–913.
- ³⁹ Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. I: Лаврентьевская летопись. Стб. 7; М., 1998. Т. II: Ипатьевская летопись. Стб. 6.
- ⁴⁰ Наименование «Восточный путь» (*Austrvegr*) имело несколько значений, будучи в разное время относимо к различным территориям, лежащим к востоку и юго-востоку от Балтийского моря вплоть до Константинополя и Иерусалима. В ранних королевских сагах «Восточный путь» может выступать в качестве наименования земель по пути «из варяг в греки». Подробнее см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII вв.): Тексты, перевод, комментарий. М., 2000. С. 274–276.
- ⁴¹ *Ibn Sa'id al-Magribi*. Libro de la extensión de la tierra en longitud y latitud / Edición crítica y notas del Dr. J. Vernet Gines. Tetuan, 1958. P. 131, 137.